

Siergiej Atpatow, Olga Kuzniecowa
Uniwersytet Moskiewski

«МЕД НА НОЖЕ»: КАЗУС ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СТИХОТВОРНОЙ ТОПИКИ XVII–XVIII ВВ.

**«Like Honey on a Knife Blade»: a Case Study on the Russian Poetical Topoi
of XVII–XVIII centuries**

ABSTRACT: The subject of the article is interaction of Russian hand-written rhymes and oral paremiae in XVII–XVIII centuries. The interplay between the literature and oral genres bases on the unity of motifs, characters and topoi as well as folk beliefs and stereotypes.

KEYWORDS: rhymes, paremiae, topoi, folk stereotypes

Изучение процессов взаимодействия литературы и фольклора в России XVII–XVIII вв. обретает в последние годы новое качество. Накопленные совместными усилиями литературоведов и фольклористов данные о механизмах идейного и формально-стилевого взаимовлияния устного и письменного регистров единой художественной системы русской словесности раннего Нового времени позволяют заново проинтерпретировать «темные места» в системе топосов русской стихотворной культуры рассматриваемого периода.

Предметом исследования в настоящей статье стали интертекстуальные связи пословиц, стихотворных посланий и жартов. Перечисленные жанры функционировали как в устной, так и в письменной форме, однако именно рукописная традиция являлась сферой, конденсировавшей тексты разного происхождения и назначения в поле максимальной близости и взаимовлияния. И если для авторов виршей и жартов народные пословицы и книжные афоризмы, собранные в алфавитные реестры, становились тематическим материалом

и стиливым образцом для создания собственных текстов¹, то для читателей рукописных сборников смешанного состава смежные блоки авторской лирики, анонимных рифмованных жартов и парафольклорных пословичных сводов служили комплексным перцептивным фоном.

Важно отметить, что в системе интертекстуальных взаимодействий указанных жанров ключевым формообразующим фактором оказывается рифма: за счет нее словесная формула обретает необходимую стабильность и переходит из одного текста в другой в узнаваемом виде. Некогда удачно найденная рифменная пара (ассоциативная или антитетическая) фиксирует тематический микросюжет, компактно «цитируемый» либо разворачиваемый в самостоятельное повествование в сочинениях самого разного типа. Предельного развития названные процессы достигают в жанре стихотворных жартов, где содержание целого нарратива резюмирует виршик афористической природы:

Подлинная-де правда открылась,
как в народе пословица говорила:
Называет другом,
обирает кругом².

Механизмы преобразования прозаических сентенций в стихотворные топы хорошо видны на контекстах, в основе которых лежат библейские афоризмы. Так, например, изречение Соломона «Правда избавляет от смерти» (Притч. 10:2), бытуя в устной речи в исходной книжной форме³, в виршах XVII в. разворачивается в рифмованные парафразы:

Правда правых всегда от смерти избавляет,
разум же истинну хотящих приязнь сподобляет⁴.

Правда правых праведно избавляет от смерти,
О ней же суть мнози улучают и навышшая чести⁵.

¹ Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008, с. 101–108; О.А. Кузнецова, *Вирши XVII в. в контексте сборников пословиц*, «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» 2017, № 3, с. 65–67.

² Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. ...*, с. 192.

³ П.К. Симони, *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок XVII–XIX столетий*, Санкт-Петербург 1899, с. 131. Здесь и далее варианты пословиц по изданию приведены в скобках (Симони, с. 131).

⁴ *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)*, изд. подг. В.К. Былинин, А.А. Илюшин, Москва 1989, с. 113.

⁵ Там же, с. 226.

Слово любомудренно яко плод зрел возрастает,
Правда правых от смерти избавляет⁶.

Сходным образом автор *Послания к матерем* – виршевого парафраза главы 18 *Домостроя*⁷ – конструирует из прозаических предложений амплифицированный образ родительского проклятия / благословения, нанизанный на глагольную рифму:

И паки вем, государыни, яко отцова молитва сушит,
а ваша, матерня, всякаго сына и дщерь в конец коренит.
И паки матерня же ваша молитва изо дна моря выносит
и от таковыя горкия от самыя смерти износит⁸.

Популярный рифменный паттерн совместно с бытующими устно пословицами «Правда со дна моря выносит»⁹ и «Материнская молитва со дна моря вынимает»¹⁰ формирует топику севернорусских свадебных и рекрутских причитаний, например:

Как родительско прощанице
Изо дна моря повыздынет,
На край бережка повыкинет,
Из темна леса повыведет¹¹!

Сверх того, укажем на существование в корпусе севернорусских народных мифологических рассказов легенды-былички *Николай Чудотворец и леший*, построенной на конфликте отцовского проклятия и материнского благословения:

Да тут отец спал с сыном. Да утром-то выстал да и скаже: «Этот пасик у меня, – говорит, – все бока намял ночесь. *Леший бы*, – сказывает, – *взял*, все бока намял мальчик».

Сели чай пить. А мать-то и скаже: «Господи, сохрани да помилуй»¹².

⁶ Там же, с. 256.

⁷ *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 10: XVI век, Санкт-Петербург 2000, с. 134.

⁸ *Виршевая поэзия...*, с. 149.

⁹ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 3, Москва 1982, с. 379.

¹⁰ В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. 1, Москва 1981, с. 309.

¹¹ *Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым*, Санкт-Петербург 1997, т. 2, с. 109.

¹² *Легенды. Предания. Бывальщины*, изд. подг. Н.А. Криничной, Москва 1988, с. 257–258.

В свете сказанного обращает на себя внимание сборник второй половины XVII в.¹⁸, в составе которого однотипные формулы фиксируются и как инкорпорированные в структуру виршей топосы, и как самостоятельные изречения в алфавитном пословичном своде.

В частности, в рукописи зафиксирована пословица «Раба госпоже, что мед на ноже» (Симони, с. 136)¹⁹. Отношения между хозяйкой и служанкой, описанные метафорой «мед на ноже», могут быть охарактеризованы как двусмысленные для обеих сторон: явная преданность и скрытая враждебность подчиненной vs сладость власти, отравляемая подозрениями, у госпожи. Тем не менее, точное значение пословицы остается под вопросом.

Контекстом, проливающим свет на семантику анализируемой паремии, служат строки из списанного в той же рукописи *Послания к Федору Афанасьевичу от монаха*, предположительно атрибутируемого справщику Савватию²⁰:

Понеже друг лестен аки нож помазан медом,
Приводит бо всегда к душевным вредом²¹.

Данный контекст – один из ряда типичных для справщика Савватия обличительных пассажей, противопоставляющих сладость добродетели острой горечи лжи. В наиболее концентрированном виде они представлены в послании ученику Михаилу:

Ты же льстил нам тогда аки некий злый, лукавый лис,
И всегдашний убогаго нашего дому вис,
Хотя от нас, грешных, слышати многих *божественных словес*,
Мы же, убозии, *предподавахом тебе* не в вес [...]

И *кормихом тебе* аки клушу или врана яглами,
А ты *колешь нам сердце* своими словесы, аки некими иглами [...]

¹⁸ Рукопись РГАДА, ф. 181, ед. хр. 250 – крупнейшее собрание виршей московской традиции в конвое других жанров древнерусской словесности, включающее помимо стихотворных посланий (справщика Савватия, Стефана Горчака, Петра Самсонова и др.) басни Эзопа в переводе Ф. Гозвинского, перевод «Выдания о добронравии» Яна Жабчица, прозаические притчи и повести, алфавитное собрание пословиц – описана и частично опубликована в издании П.К. Симони, *Старинные сборники русских пословиц...*

¹⁹ Ср. «Раб госпоже, что мед на ноже» – в вологодской рукописи Петровского времени (Симони, с. 193), в сборниках Петровской галереи (Мельц, с. 34; с припиской «из полских») и А.И. Богданова (Мельц, с. 108).

²⁰ А.М. Панченко, *Русская стихотворная культура XVII в.*, Ленинград 1973, с. 42.

²¹ РГАДА, ф. 181, ед. хр. 250, л. 282 об.–283.

И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем (Откр. 10: 10).

Таким образом, сладость меда антитетически ассоциирована в рассматриваемых литературных контекстах с горечью полыни и желчи, а также с язвами от стрел и ранами от ножа. На сходных контрастах построены и разноязычные народные пословицы:

Na языке medok, a v srdce ledok.

V ustech med, a v srdci jed.

In ore mel, in corde fel.

Im Mund Honig, am Gürtel das Messer²⁵.

Наличие рассматриваемого топоса в паремийных корпусах разных народов побуждает внимательно отнестись к его фольклорно-этнографическому фону, а именно к символическим коннотациям реалий «мед» и «нож».

Прежде всего, мед наряду с молоком относится к классу нерукотворных, «богоданных» природных благ: «Как божественный напиток мед, так же как молоко, никогда не одалживали, поскольку это опасно для обеих сторон, но давали даром»²⁶. Ситуация дара предполагает безусловно доверительные отношения между коммуницирующими, тем разительнее эмоциональный эффект льстивых «медовых» речей мнимого друга в анализируемых паремийных и стихотворных контекстах.

Кроме того, использование ножа как столового предмета в традиционной культуре определяет ряд предписаний. Помимо общего запрета есть с ножа, «чтоб не сделаться злым», существовал специальный запрет на использование ножа применительно к «первому» (ритуальному, праздничному) хлебу, молоку, маслу, сметане, сыру, символизировавшим первичное, природное изобилие²⁷.

Тем самым, сочетание «мед на ноже» ассоциируется у носителей традиционной культуры не только с очевидной функциональной опасностью порезаться, но и с имплицитной метафорической угрозой ссоры и, сверх того

²⁵ F.L. Čelakovský, *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*, Praha 1852, с. 536.

²⁶ А.В. Гура, *Мед*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 3: К (Крыз) – П (Перепелка), Москва 2004, с. 208.

²⁷ Е.Е. Левкиевская, *Нож*, [в:] *Славянские древности...* т. 3, Москва 2004, с. 433.

– с мифологическим парадоксом: райское богатство делят и потребляют с цивилизованным лукавством.

Отмеченные амбивалентные мифопоэтические коннотации меда в славянском фольклоре находят подтверждение на более широком историко-этнографическом материале. Суммируя данные исследования архаических культур Северной и Южной Америки, К. Леви-Строс констатирует:

Мед занимает первое место в иерархии продуктов питания; его совершенство, которому человеческая деятельность не прибавляет почти ничего, отсутствие норм, определяющих порядок сбора и потребления меда, придают меду парадоксальный характер универсальной, пригодной для всех пищи, которую человек добывает, если так можно выразиться, в единстве с природой и вне законов общества²⁸.

При этом «беззаконная» природа медового угощения маркируется в мифах индейцев одновременно элементами пищевого и сексуального кодов:

Для мысли туземцев поиски меда представляли своего рода возвращение к природе, процедуру, наделяемую чертами эротичности, перенесенными из разряда сексуальных характеристик в разряд чувственно вкусовых²⁹.

Мед – в представлении индейцев продукт одновременно притягательный и токсичный – занимает пограничное место между природой и культурой:

Героиня, помешанная на меде, поддается влечению природы: в ней пробуждается страсть к меду как к пище, и она утрачивает отношение к его культурной функции посредника матримониальных обменов³⁰.

На фоне сказанного проясняются латентные мотивировки еще одного сюжета, построенного на коллизии «мед на ноже», а именно – стихотворного жарта *О теще с зятем*:

Теща зятю поставила за ласку меду
Целой берестень после обеду.
Зять не спрашивал, чем мед есть,
Начал всею горстию плесть [...]

²⁸ К. Леви-Строс, *Мифологиики*, т. 3: *Происхождение застольных обычаев*, Москва – Санкт-Петербург 2000, с. 57.

²⁹ Там же, с. 314.

³⁰ Там же, с. 205.

– Что ты, зятюшко, вздумал так?
Добрые люди мед не едят так.
Ножиком или подобным тому,
Чтоб не было противно никому.
Зять, вынувши из-за пояса лемеш:
– Ну, теперь-де меня не уймешь!
Стал лемешем мед убирать,
Теща не знает, как унять.
Вздумавши, лошадь ево отвязала [...]
Зять, вскоча, говорит: «Ах, беда!»
Подхватил берестень весь без стыда.
Побежал за лошадью скоро вслед,
Теща горюет, что унес мед:
– Ах, напрасно лошадь пускала,
Хотя бы меда поел, берестеня бы не отстала³¹.

Построенный на гротескном конфликте мнимого гостеприимства тещи и сомнительных застольных навыков зятя, насыщенный атмосферой лжи и бесстыдства, текст жарта требует детального фольклорно-этнографического комментария.

Прежде всего, речь идет о ситуации обрядовой масленичной поездки зятя «к теще на блины». Считалось, что он должен прогостить всю неделю, но этого нельзя делать в последнее воскресенье, иначе скажут: «Да вот зять остался на ночь, и все поел у тещи, и блины все, и даже помазок съел, каким блины мажут»³².

Гиперболизированное изображение гостеприимства тещи и сластолюбия зятя характерно и для масленичной хороводной песни:

Я круг бочки хожу, круг медовенькия.
Я на бочку гляжу, на медовенькую.
Оттыкайся, гвоздок, наливайся, медок.
Напивайся, душа, душа зятюшкина.
Он напился, как бык,
Сам не знает, как быть...³³.

³¹ E. Małek, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII веков*, Łódź 2000, т. 1, с. 348–349.

³² А.Б. Мороз, *Про блины, зятя и тещу*, «Живая старина» 2016, № 2, с. 15.

³³ С.Б. Адоньева, *Символический порядок*, Санкт-Петербург 2011, с. 94–95.

В следующих двух строфах песни зятю предлагается в качестве угощения пирог и кровать. Эпизоды завершаются с тем же раблезианским размахом: он наелся и «нагрбся», как бык.

Тем самым в анализируемом сюжете жарта неразумная щедрость тещи, выставившей целый берестень меда, и готовность зятя есть руками встают в ряд общефольклорных гипербол масленично-карнавальной вседозволенности и доступности всех земных благ.

Соблазнительное обилие меда мгновенно обростает в сюжете эротическими коннотациями: зять достает из-за пояса нож и начинает загребать им угощение. В этой связи следует упомянуть, что в традиционной культуре нож наделяется фаллической символикой и ассоциируется с мужским началом, в том числе «используется в свадебном обряде для имитации коитуса»³⁴.

Более того, следующий сюжетный компонент – «отвязанный конь» – оказывается популярным мотивом свадебной обрядовой лирики, символически обозначающим «распоясавшегося» жениха во время первой брачной ночи:

Оторвался твой вороный конь
 От столба он от точеного,
 От колечка золоченого.
 Он ворвался во зеленый сад,
 Переломал все в саде вишенья,
 В саде вишенья с калиною,
 С черной ягодой смородиной³⁵.

Наконец, финальный мотив – унесенный берестень – также отсылает к карнавальной мифопоэтике «разъятого гротескного тела»³⁶, когда утраченные нос, нож, шпага, шляпа / кольцо, решето, бочка, квашня, подойник, сковорода³⁷ могут метафорически замещать отделяемые мужские / женские половые органы.

Построенная мифопоэтическая модель интерпретации жарта *О теще с зятем*, помещающая конкретный сюжет в контекст мифологического хронотопа Schlaraffenland – земли, текущей «молоком и медом» – требует двух уточнений.

³⁴ Е.Е. Левкиевская, *Нож...*, с. 433.

³⁵ *Лирика русской свадьбы*, изд. подг. Н.П. Колпакова, Ленинград 1973, с. 194.

³⁶ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990, с. 335–406.

³⁷ Ср. частушку о зяте, который в гостях у тещи выпил весь чай, съел весь сахар, и унес самовар на мужском органе – А.Б. Мороз, *Про блины, зятя и тещу...*, с. 16.

Прежде всего, откровенные намеки на интимное единодушие тещи с зятем должны быть поняты именно как острая ирония и специфическая форма «отношений с подшучиванием»³⁸, когда социальные проблемы и психологическое напряжение близких отношений между свойственниками снимаются не избеганием такого рода контактов-конфликтов, а их «проговариванием вслух», обыгрыванием, вышучиванием самого экстремального (в т.ч. непристойного) рода. При этом отказ от такого рода обрядовой игры воспринимается как несоблюдение правил этикета.

Именно на этом построен с фольклорно-мифологической точки зрения сюжет жарта. Теща обязана всеми доступными средствами «умасливать» и «услаждать» зятя, но должна делать это подчеркнуто против воли. Зять должен с наслаждением потреблять предложенные угощения, но делать это максимально варварским и издевательским способом.

Неслучайно, уже первая сюжетная коллизия жарта – теща подает щедрое угощение, но без столовых приборов – буквально соответствует пословице: «Не жалеј тещина добра – колупай шилом масло, а пресное молоко спичкою хлебай»³⁹. Зять, подобно сказочному дурачку, героически решает трудную задачу – ест мед руками.

Следующее, провоцирующее ссору, псевдоэтикетное предложение тещи «есть мед ножичком» откровенно игнорируется зятем⁴⁰.

Наконец, финальная проблема – продолжение чрезмерного наслаждения тещиним «медом» с риском утраты собственного «коня» – гротескно снята бегством героя, сохранившего коня и унесшего берестень одновременно.

Тем самым сюжетный конфликт между тещей и зятем прочитывается в масленичном обрядово-мифологическом контексте как игровая метафора недопустимо близкого контакта свойственников, символически маркирующая границы биологического хаоса и культурной нормы топосом «как мед на ноже».

Второе уточнение касается восприятия рукописных жартов «вульгарной» тематики в общем контексте «неполезного чтения» Нового времени. С точки зрения читательской аудитории XVII–XVIII вв. «заземленные» сюжетные ситуации и их фольклорные метафоры (выгребаемый ножом мед, отвязанный

³⁸ А.Р. Рэдклифф-Браун, *Структура и функция в примитивном обществе*, Москва 2001, с. 107–137.

³⁹ Э. Малек, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.* ..., с. 102–103; Ср. «Вхопив, як шилом борщу» – И. Франко, *Галицько-руські народні приповідки*, «Етнографічний збірник», т. 16, Львов 1905, с. 298; а также применительно к любезным отношениям «раба» и «госпожи»: «Боярсково живота не жалеет, шилом масло колупаєт» (Симони, с. 213).

⁴⁰ Ср. СУС –1544*** Солдат «двоит» пельмени: при угощении пельменями старуха просит солдата «двоить», т. е. каждый раз брать половинку пельменя; он же берет по два.

конь, унесенный берестень) перестают быть актуальными компонентами мифопоэтического «карнавального» кода культуры⁴¹ и становятся анекдотическими образами социальной некоммуникабельности героев, их гротескного в своей гиперболичности неумения либо нежелания выстроить отношения приличным, этикетным путем. Тем самым анализируемый жарт закономерно становится нарративной иллюстрацией уже не мифологических, а бытовых пословичных конфликтов вроде «Тесть любить честь, а зять любит взять» и «Был у тещи, рад утекши».

Сходные процессы, очевидно, происходят и с прочими пословицами, виршами и театральными монологами, кодирующими эмоциональные, нравственные и социальные коллизии той же формулой «как мед на ноже»: от мифопоэтических библейских антитез (мед / яд, мед / нож) они эволюционируют к синтетическому топосу двусмысленных и бесчестных отношений двух людей, будь то учитель и ученик, госпожа и служанка, кавалер и его возлюбленная.

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка.

---

⁴¹ «В образе индивидуального тела Нового времени половая жизнь, еда, питье и испражнения резко изменили свое значение: они перешли в частно-бытовой и индивидуально-психологический план [...] Новому телесному канону совершенно чужда гиперболизация. В образе индивидуального тела для нее нет почвы. Здесь допустима только подчеркнутая акцентуация чисто экспрессивного или характерологического порядка. Невозможен, конечно, и отрыв отдельных органов от телесного целого и их самостоятельное существование» – М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле...*, с. 356.